

КЕННЕТ ДУН

ВНУКИ
ТАНТАЛА

Кеннет Дун
Внуки Тантала

«Автор»

2023

Дун К.

Внуки Тантала / К. Дун — «Автор», 2023

Знаменитый архитектор, превратившийся в пастыря таинственной секты, куда пускают только посвященных. Голливудская актриса, жестоко убитая в собственном доме при подозрительных обстоятельствах. Злой рок, уже несколько поколений терзающий семью калифорнийских миллионеров, разбогатевших еще во времена "золотой лихорадки". Все это - новое дело частного детектива Дугласа Стина и его партнерши Лекси Бальтазар. Успеют ли они связать вместе все части головоломки и предотвратить трагедию, которая изменит их жизни?

© Дун К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кеннет Дун Внуки Тантала

*Amat Thyesten frater? aetherias prius
perfundet Arctos pontus et Siculi rapax
consistet aestus unda et Ionio seges
matura pelago surget et lucem dabit
nox atra terris; ante cum flammis aquae,
cum morte vita, cum mari ventus fidem
foedusque iungent¹.*

Lucius Annaeus Seneca

---

¹ Фиеста любит брат? Скорей Медведицу омой море у берегов Сицилии Прибой утихнет хищный, урожай взойдет Из Ионийских волн и непроглядная Ночь землю осветит, скорей смешаются Вода и пламя, смерть и жизнь, союз моря И ветры заключат. Луций Анней Сенека «Фиест» Перевод С.А. Ошерова

Глава 1

Все пошло наперекосяк, когда я сделал предложение Габриэле. Мы встречались уже больше трех лет, и я чувствовал, что приличия требуют от меня решиться на следующий шаг в отношениях.

В принципе, нас обоих все устраивало. Каждый жил своей жизнью, мы уважали независимость друг друга, при этом прекрасно проводили все больше и больше времени вместе. Однако я понимал, что такая ситуация не может сохраняться вечно. В первую очередь из-за Джо – сына Габриэлы. У нас с парнем установились дружеские отношения, но он сейчас вступал в тот хрупкий подростковый возраст, когда человек начинает очень болезненно воспринимать сигналы внешнего мира. Мальчишку вполне могли дразнить в школе за то, что его мать в разводе, а он сам мог наслушаться злобных сплетен о том, что это за мамин «друг», который часто бывает у них дома, и как называются такие мамы в приличном обществе.

Кроме того, я часто заходил к Габи на работу в окружную больницу, меня хорошо знали ее коллеги-медсестры и прочий персонал. Я часто ловил на себе укоризненные взгляды лучших подруг Габриэлы. Действительно, выходило некрасиво: столько времени ухаживать за работающей девушкой и даже не попытаться сделать ее честной женщиной. Хоть сама Габи не обмолвилась мне лично ни словом, я понимал, что ей будет лестно поднять свой статус в глазах других медсестер и соседок по многоквартирному дому, где они жили вместе с Джо.

Так что после некоторых раздумий я отправился к знакомому ювелиру и отнес ему старинные бриллиантовые сережки моей матери. Фактически единственное, что у меня осталось в память о покойной родительнице, умершей, когда я был еще ребенком. Насколько я помню, были еще кольца, браслеты и прочие украшения, но они достались невесткам моих более успешных братьев. Ювелир, мистер Штейн, немного поколдовал с золотом, в результате получилось изящное кольцо с узором из дубовых листьев, одним крупным бриллиантом и несколькими мелкими камушками. Второй камень, вынутый из другой серьги, старый Штайн посоветовал мне сохранить на замену. Честно говоря, я не понял о какой «замене» шла речь: то ли ювелир таким завуалированным образом заранее извинялся за то, что плохо закрепил оправу, то ли намекал на повторную женитьбу, если с этим браком что-то пойдет не так.

Мне и мыслей о предстоящем браке было достаточно, чтобы желудок периодически завязывался в узел. Особенно, когда я представлял себе, что придется покинуть мою крохотную, но уютную холостяцкую квартиру и начать подыскивать жилье для супруги и пасынка-подростка. Тем не менее, уроки отца не прошли даром – долг превыше всего. Так что я погладил свой лучший костюм, повел Габриэлу ужинать в ресторан на Венис-бич, а потом во время прогулки по пляжу по всей форме опустил на одно колено и произнес приличествующие слова. Удивительно, но даже ни разу не запнулся.

Как я и надеялся, Габи не стала ломать комедию и тянуть время, а сразу же надела кольцо, особенно оценив, что оно некоторым образом принадлежало моей матери. Я заметил, что статус невесты придал ей уверенности. Теперь мои визиты в ее квартиру стали практически «официальными». И хотя на работе ей приходилось, естественно, снимать кольцо и убирать его в шкафчик на время смены, все ее товарки и даже врачи стали смотреть на меня определенно более благосклонно, когда я заезжал, чтобы пригласить Габи на ленч.

Я подумывал о том, чтобы рассказать отцу о том, что собираюсь жениться. Но, поразмыслив еще, решил этого не делать. С тех пор как я бросил работу в полиции, чтобы заняться сомнительным с его точки зрения ремеслом частного детектива, отец и братья не желали иметь со мной ничего общего. Девизом Стинов уже три поколения были респектабельность и финансовый успех. А я будто нарочно швырнул эти ценности им в лицо. Вначале бросив юридиче-

скую школу, чтобы пойти добровольцем во флот во время войны. А затем уйдя из полиции Лос-Анджелеса, где я вполне успешно двигался по служебной лестнице.

К тому же моему отцу определенно не понравилось бы, что моей избранницей стала мексиканка. А чего у Габриэлы было не отнять – это ее гордый профиль, темные кудри и смуглую кожу. Самым жутким позором нашей собственной семьи был тот факт, что в далеком прошлом, еще до эмиграции в Америку, кто-то из предков-Стинов имел несчастье жениться на азиатке, от чего его потомкам достались в наследство миндалевидные глаза и жесткие черные волосы. Мой дед и отец настолько боялись, что их будут на новой родине принимать за «китаез», что старались держаться как можно дальше от Чайнатауна, женились исключительно на покладистых калифорнийских блондинках и мечтали о том, как достичь настоящего Американского Успеха. Эти же ценности отец с успехом привил и двум своим старшим сыновьям.

Я был первым из семьи, кто после окончания колледжа поступил в юридическую школу Гарварда, но не проучился там и года, когда японцы бомбили Перл-Харбор. Тогда для меня даже не стоял вопрос выбора – не дожидаясь своей очереди призыва, я сам записался добровольцем, чем уже страшно разочаровал отца. Пожалуй, вспоминая то время сейчас, я мог бы сказать, что служба на флоте была моей первой попыткой бегства к свободе от жизненной программы, предначертанной для меня отцом с самого рождения. Так что после демобилизации я не стал возвращаться к учебе, а вместо этого поступил в полицию. Еще несколько лет мне понадобилось для того, чтобы понять, что я вообще не хочу находиться в рамках никакой системы – будь то государство или частная корпорация. Меня вполне устраивало работать на самого себя, выполнять разовые заказы клиентов и тут же забывать о них, едва закончив очередное дело.

Вести слежку за неверными супругами, выводить на чистую воду вороватых служащих, находить и возвращать домой сбежавших детей или потерявших память родственников. Довольно грязные и унылые поручения, если подумать, особенно в том что касалось супружеской измены. Все старые друзья от меня отвернулись, а новые знакомые, узнав, чем я занимаюсь, презрительно фыркали. Меня же вполне устраивало, что я помогаю вывести обманщиков на чистую воду, при этом они не попадают в неумолимые жернова государственной машины возмездия, а решают все проблемы в частном порядке, так сказать, в кругу семьи. Кстати, именно так я и познакомился со своей нынешней невестой. Адвокат Габриэлы нанял меня раздобыть доказательства измен ее супруга для развода. Тот, будучи преуспевающим доктором, действительно ходил налево совершенно не стесняясь, при этом грозился выгнать ее на улицу практически без гроша, если она, как приличная жена, не будет закрывать на это глаза.

И вот, теперь мы сами готовы вступить в брак. Нет, я решил не говорить отцу и братьям о Габриэле, подумав, что это их только больше разозлит. Еще больше крови второго сорта в злосчастном семейном древе Стинов.

Тем более, что мы так и не назначили дату свадьбы. Казалось, Габриэлу вполне удовлетворяет одно наличие помолвочного кольца. Я пару раз намекал ей, что неплохо бы определиться, тем более, что мы не собирались устраивать пышное мероприятие с церковью и рассадкой гостей. Но нам, как минимум, нужна была брачная лицензия, а на все мои предложения сходить и оформить документ, Габи лишь рассеянно махала рукой, утверждая, что дело не требует спешки. Я ожидал, что она завалит меня газетными объявлениями об аренде жилья или ипотеке (тихий район с хорошей школой для Джо, просторная квартира или таунхаус), но, казалось, ее по-прежнему вполне удовлетворяют мои «гостевые» визиты.

А в последние несколько недель Габи стала еще более грустной и раздражительной. Когда мы ходили куда-то вместе, я замечал, что она меня не слушает, а витает мыслями где-то далеко. В свои выходные она часто оказывалась занята и говорила, что вынуждена уехать, не объясняя мне, куда. У нас было не принято совать нос в дела друг друга, но такая секретность уже стала

казаться подозрительной. К тому же Габи стала по-настоящему огрызаться на меня, если я вновь заговаривал о свадьбе или каких-то более безобидных совместных планах.

Меня это начало тревожить. Одно из самых мрачных дел в моей практике частного детектива как раз и началось с того, что невеста одного парня стала закатывать ему скандалы незадолго до свадьбы, а потом и вовсе сбежала².

У нее, правда, были на то свои причины, не имеющие ничего общего с нервозностью Габи. Мне очень хотелось на это надеяться.

Хотя я подозревал, что Габриэла приняла мое предложение, скорее всего, потому, что у нее не нашлось никого получше. Даже если я долго колебался (и, каюсь, в какой-то вечер засел за листок, разделенный на «за» и «против»), то что уж говорить о моей девушке? Я прекрасно отдавал себе отчет, что я не самая лучшая партия, особенно в финансовом отношении, а женщины инстинктивно всегда думают о деньгах. Пару вечеров они могут наслаждаться душевной близостью и теплыми объятьями, а потом даже в самом романтическом настроении они вспоминают о балансе банковского счета. Не могу сказать, что это плохое качество – я бы сам предпочел, чтобы за государственный долг США отвечала женщина.

К тому же, в отличие от меня, Габи надо было думать о будущем своего сына, взносам за колледж и прочей неприятной рутине. Ее бывший муж за последние четыре года не выплатил ей ни цента на содержание ребенка. А я едва сводил концы с концами своим частным сыском и уж точно не собирался устраиваться на работу в крупную контору, чтобы порадовать свою новую семью. Так что ситуация все больше заставляла меня задумываться: может, Габи просто нравится статус невесты, но так ли уж всерьез она собирается выходить за меня замуж?

Одним из вечеров мы с Габриэлой ужинали у нее в квартире. Джо в этот вечер ночевал у одноклассника, так что мы могли куда не спешить и свободно распоряжаться всей гостиной и спальней.

Я принес из китайского ресторана свинину Му Шу³ с бамбуковыми ростками и курицу Чао-мейн⁴, а также различные острые закуски. Запивали мы еду легким калифорнийским шардоне. К счастью, со времен периода моего ухода за Габриэлой она оставила привычку удивлять меня своими кулинарными талантами во время каждого визита. Мы все понимали, что работая медсестрой в окружной больнице и воспитывая тринадцатилетнего сына, у нее просто нет сил и времени еще изображать из себя идеальную домохозяйку. Ее домашние ужины из трех блюд были великолепны, но заканчивались они, как правило тем, что Габи просто засыпала на диване, не успев дотянуть второй бокал вина.

Так что постепенно мы перешли на обеды на вынос или быструю домашнюю кухню. Я разложил еду по тарелкам. Хоть меня и забавляли эти картонные коробочки, дома мы с невестой предпочитали есть цивилизованно.

Но сейчас я видел, что у Габи совсем не романтическое настроение. Она равнодушно пожевала несколько маринованных грибов и острых перцев, а теперь сидела и задумчиво гоняла кусочки свинины палочками по своей тарелке.

– Дуг, нам надо поговорить, – наконец решилась Габи.

Ну, началось, подумал я. Сейчас она скажет, что хочет отложить или даже отменить нашу свадьбу, потому что не готова к новому браку. Или, может, она встретила за это время другого мужчину. Более надежного и обеспеченного, чем я. В любом случае, я давно был готов к этому разговору, поэтому положил на салфетку приборы и приготовился внимательно ее выслушать. Габи набрала в легкие воздуха, будто готовясь к прыжку в воду, а я с веселым удивлением заметил, что пытаюсь принять как можно более удобную позу на жестком стуле. Будто в пред-

---

² Речь идет о событиях предыдущего романа Кеннета Дуна «Змеиные полосы»

³ Блюдо северокаитайской кухни, постная свинина, нарезанная соломкой и обжаренная с различными ингредиентами

⁴ Жаренная или вареная особая китайская лапша с наполнителями

вкушении спектакля, на который давно собирался сходить, но вот только сейчас сумел достать билеты. Как по мне, так третий звонок давно прозвенел, поэтому я ободряюще улыбнулся Габи, подталкивая ее решиться на первую реплику.

– Дуг, у меня умерла мама, – наконец произнесла Габриэла.

Глава 2

Такого начала разговора я никак не ожидал. Я, конечно, знал, что у Габи была мама, но, насколько я помнил, они с ней не поддерживали никаких отношений. Совсем как я со своим отцом. Габриэла вообще упоминала своих родителей всего пару раз за время нашего знакомства. Однажды она рассказала, что ее отец сбежал, когда она была совсем маленькой. А в другой раз объяснила, что ее мать – ярая католичка, поэтому не поддержала ее решения развестись с мужем. Из-за этого они полностью прекратили общение. Я даже не знал имени своей будущей тещи. Дело в том, что после развода Габи оставила фамилию супруга. В первую очередь из-за Джо, потому что он привык к фамилии отца, а, кроме того, ей самой было удобно в больнице зваться «сестрой Тернер». И вот теперь выясняется, что и познакомиться нам с ее матерью точно никогда не доведется.

– Как давно? – спросил я.

– Три месяца назад.

Это было еще удивительнее. Значит, Габриэла ничего не сказала мне раньше о смерти своей мамы, видимо, сама организовала похороны. А теперь почему-то решила сообщить.

– Видишь ли, в чем дело, Дуг, – Габи продолжала гонять кусочки по тарелке. – Я тебе объясню, почему так долго молчала.

Вся моя педантичная натура буквально взывала к тому, чтобы немедленно убрать посуду со стола, выбросить остатки еды в помойное ведро и хотя бы залить тарелки водой. Но я понимал, что если сейчас начну наводить порядок, Габи опять замкнется в себе, и разговора не получится. Поэтому я постарался сосредоточиться на ее лице, хотя мой мозг просто разрывался при мысли о том, как человек в здравом уме может разговаривать о серьезных вещах над тарелкой с кусочками свинины в соусе.

– Ты знаешь, мы с матерью общались очень мало. Точнее совсем не разговаривали последние четыре года. Ее очень подкосил уход моего отца. Видимо, для нее это стало не только потерей мужа, но и несмываемым позором. Ведь католики не разводятся. Мама тогда была еще совсем молода, но вдруг в одночасье превратилась в старую кастильскую вдову. Одевалась во все черное, заперлась в своем доме, перестала показываться на людях. Пока она не отослала меня в школу, жить с ней было, как в склепе. Естественно, потом я не захотела к ней возвращаться, а сразу взяла деньги, оставленные мне дедушкой, сняла квартиру в городе и поступила в школу медсестер. Но мы иногда приезжали к ней с Беном и Джо в гости, хотя это не были веселые визиты. Маме, правда, нравилось, что я вышла замуж за врача. Именно поэтому она так разозлилась, когда я сообщила ей, что уйду от мужа и начала процедуру развода. Ты же знаешь, что в итоге Бен ухитрился оставить нас с Джо почти без гроша, несмотря на все собранные доказательства его измен и неэтичного врачебного поведения. А моя мать всю мою жизнь, сколько себя помню, проживала в своем поместье, доставшемся ей от родителей. Оно находится в Ковине, у самых гор Сан-Габриэль. Дом не особенно роскошный, его никогда не перестраивали и не модернизировали, а при маме он пришел в полное запустение. Но у нее есть земля, участки земли в горах, которые ей были совершенно не нужны, а их сейчас активно покупают инвесторы под застройку.

Габриэла сделала большой глоток вина и подвинула мне бокал, чтобы я наполнил его заново. Очевидно, она давно хотела поделиться с кем-то обидой на свою мать.

– Когда я ушла от Бена, то умоляла ее продать хоть клочок земли, чтобы я могла отправить Джо в хорошую школу и отложить деньги ему на колледж. Но она только сказала, что я сама виновата во всем случившемся. После этого я больше ни разу не переступала порог ее чертова дома. И вот, наконец, она умерла. В полном одиночестве, как того и заслуживала. Со мной связались ее поверенные. Мать не оставила завещания, а у нее была только я. Так что я

стала ждать, пока будут улажены все формальности с наследством. Я хотела немедленно продать этот злосчастный дом и всю землю. Мне сказали, что сейчас я могу выручить неплохую сумму.

Габриэла внимательно смотрела, ожидая моей реакции. Не могу сказать, что я не почувствовал укол обиды из-за ее слов, но по сути ее поведение было совершенно разумным. Габи нарочно откладывала свадьбу, чтобы самой получить наследство и все деньги от продажи собственности до того, как я стану ее законным мужем. Чтобы это был только ее капитал. Возможно, ее адвокат посоветовал ей создать какой-то трастовый фонд с ограничениями, чтобы ни один муж-проходимец не мог наложить на него лапу. Что ж. После мерзкой свары, устроенной ее первым супругом при разводе, когда он боролся за каждый цент и прятал от ее адвоката свои доходы и собственность, я понимал, что для Габи бесконечно важна финансовая независимость.

– Все в порядке, – сказал я ей. – Это земля твоей матери, так что она по праву принадлежит только тебе. Ты могла бы сразу мне рассказать, что хочешь вначале продать поместье, а не откладывать дату свадьбы под надуманными предложениями. Если это все, что тебя беспокоит... Я готов подписать любые бумаги, что не буду претендовать ни на цент из твоего наследства.

Я встал, чтобы наконец собрать ненавистные тарелки с застывшим соусом.

– Нет, Дуг. Если честно, я правда хотела устроить тебе свадебный сюрприз – рассказать, что на самом деле ты женился на состоятельной женщине, – Габи невесело рассмеялась. – Я думала, что, обеспечив будущее Джо, мы могли бы поехать в настоящее путешествие. Потом купить дом получше. Я бы ушла с работы. Я много о чем мечтала. Но есть одна проблема. Пока что я никак не могу получить свое наследство.

– Почему?

– Я же тебе говорила, что мама не оставила завещания? Так что по закону ее наследниками являются ближайшие родственники. То есть, я и мой отец, ее муж.

– Но ведь он пропал. Больше тридцати лет назад. Любой суд уже давно объявил бы его умершим, так что твоя мама действительно формально считалась вдовой.

– Нет, я сказала, что он «сбежал», а не «пропал». На самом деле, он жив и здоров. И даже несколько лет назад объявился в Калифорнии. Просто мы не вступали с ним в контакт, я даже понятия не имела, что он вернулся. Но душеприказчики матери выяснили его местонахождение и заявили, что я не могу получить наследство, пока мы с отцом не придем к согласию. К счастью, этот дом принадлежал моей матери еще до того, как она вышла замуж, поэтому считается ее личной собственностью. Иначе он автоматически отошел бы отцу. Но теперь по закону штата мы должны разделить наследство пополам. Или сами определить свои доли. Адвокаты могли бы продать землю и выплатить нам причитающиеся суммы, но они должны получить согласие на продажу от всех наследников, понимаешь?

– Нет, не понимаю. Да, неприятно, что он так неожиданно возник на горизонте. И половина денег, конечно, хуже, чем вся сумма, но лучше, чем ничего. Может, тебе с ним поговорить? Все-таки он твой отец. Может, он согласится и на меньшую долю?

– Естественно, я об этом думала, – отмахнулась Габи. – Я была бы рада и половине. Да даже четверти, хотя этот негодяй совсем не заслужил маминых денег. Вся сложность в том, что с ним совершенно невозможно связаться.

– То есть, ты хочешь сказать, что ты знаешь, где он находится, но не можешь с ним поговорить? – уточнил я.

– Именно. Вот так парадокс. Дуг, давай уберем посуду, нальем еще вина, а потом я расскажу тебе все остальное. Все равно кусок в горло не лезет.

Я с радостью согласился.

Глава 3

– Ты знаешь, кто такой Габриэль Торн? – спросила Габи, когда мы расположились с бокалами на диване.

Я помотал головой. Меня удивляло, почему люди постоянно вываливали на меня какие-то имена в твердой уверенности, что я непременно должен их знать. Я не вращался в светских кругах, не смотрел телевизор, практически не читал газет, кроме первых полос. Если бы она меня спросила, кто такой Фидель Кастро или Никита Хрущев, я, может быть, еще нашелся бы с ответом. Впрочем, на имя Габриэль Торн у меня какое-то воспоминание забрезжило. Все-таки я был не совсем дремучим.

– Габриэль Торн – мой отец. Меня назвали в его честь.

– Подожди. Тот, что архитектор? – вспомнил я. – Музей современного искусства на бульваре Джефферсона. И еще что-то на Сентрал-авеню.

Я вспомнил легкие простые здания, поражающие лаконичной геометрией, органично вписанной в окружающее пространство. Иногда казалось, что даже воздух вокруг фасада выглядел чище и светлее. Лучшее, что мог породить американский модерн, во всяком случае, на мой вкус.

– Мы же не раз с тобой вместе бывали в этом музее, – удивленно сказал я. – Почему ты ни разу не упомянула, что его спроектировал твой отец?

– Потому что я вообще никому о нем никому не рассказывала, – зло сказала Габриэла. – Из-за того, что он нас бросил. Если хочешь знать, мое полное имя – Габриэла Розария Руис де Лара Торн. А мою маму звали Консуэла Мария Руис де Лара в замужестве Торн. Не удивительно, что я была счастлива стать просто миссис Бен Тернер.

– И все-таки я не понимаю, – настаивал я. – Почему твоя мама все эти годы не разыскивала мужа?

– Я точно не знаю, что произошло, когда отец сбежал, ведь я была совсем крошкой. Я его вообще не помню. Мама неохотно рассказала мне, когда я уже выросла. В один прекрасный день он сказал ей, что отправляется в свою студию, а потом просто не вернулся домой. Она ждала несколько дней, думала, он где-то загулял. Потом обратилась в полицию. В конце концов его автомобиль нашли недалеко от оклендского порта. В таможенной службе подтвердили, что Габриэль Торн покинул страну на пароходе. А спустя несколько месяцев пришло письмо от него. Я не знаю, что он написал маме, потому что она уверяет, что тут же его сожгла. Но это письмо разбило ей сердце. С тех пор она облачилась во вдовий наряд и даже не хотела слышать имени Торна.

– Я по-прежнему не понимаю, какое это все отношение имеет к твоему наследству. Если твой отец известный архитектор, почему бы ему просто не отписать тебе свою половину поместья матери?

– Ты и правда совсем газет не читаешь? – Габи встала, покопалась в стопке под журнальным столиком и вернулась ко мне с потрепанным экземпляром «Лос-Анджелес Сан» месячной давности.

– Вот, смотри, – она ткнула в нужную статью.

«Известный архитектор строит Храм Возрождения», прочитал я заголовок. Потом быстро проглядел заметку. Там сообщалось, что Габриэль Торн, в прошлом знаменитый местный архитектор и автор нескольких общественных зданий, вернулся после долгих странствий по миру, чтобы открыть собственную школу духовного просветления под названием «Собранный путь». Известно, что в ее основе лежит уникальное строение, объединяющее традиции культовых сооружений самых магических мест мира, которые посетил Торн. Его воздействие

уже испытали на себе несколько влиятельных персон и голливудских знаменитостей. Ни конкретных имен испытуемых, ни адреса «Собранного пути» в статье не называлось.

– Судя по всему, это какая-то секта, а мой отец в ней главный пастырь, – мрачно сказала Габриэла. – Душеприказчики моей матери пытались с ним связаться, но он просто проигнорировал все их письма. Тогда я обратилась к Диего Мартинесу. Помнишь, тому адвокату, который помог мне с разводом. Он разыскал адвокатскую фирму, которая представляет интересы этого «Собранного пути», послал им официальный запрос. Они ответили, что в данный момент мистер Торн не покидает пределы своей общины и не встречается с теми, кого он считает не достигшими нужного этапа просветления. Его адвокаты сказали, что попробуют связаться с ним и как-то решить мою проблему, но поскольку она касается лично мистера Торна, а не его организации, то они не гарантируют результат. Иногда он на целые месяцы уединяется для размышлений.

Я присвистнул.

– Они по крайней мере сообщили мне адрес этого храма. Это в округе Риверсайд недалеко от Темекулы у плато Санта Роза. Там и правда очень красиво, кругом сосны, ручьи, даже какие-то горячие источники, очень популярные у туристов. Я поехала туда сама в свой выходной, думала, смогу встретиться с отцом, поговорить с ним по-человечески. Территория этой его общины обнесена оградой, а проезд к ней закрыт воротами, там стоит охрана. Они меня просто не пустили внутрь. Я умоляла, убеждала, пыталась даже устроить скандал. В конце концов, ко мне вышел какой-то парень, сказал, что Учитель занят, чтобы я не беспокоила его земными пустяками. Именно так – Учитель с большой буквы. Этот парень и те, что охраняли ворота, смотрели на меня, как на какую-то назойливую пчелу. Так что мне ничего не оставалось, как повернуть назад.

– Неужели нет никакого выхода? – удивился я.

– Диего говорит, что мы можем рассматривать дело в суде о наследстве. Если мой отец будет игнорировать официальные запросы и не являться на слушанья, то дело могут решить и без него, если судья решит, что его действия наносят ущерб другим наследникам, то есть мне. В общем землю можно будет продать и без его согласия. Но тут есть нюансы. Он может посылать адвокатов, которые будут затягивать процесс. Да и сами судьи не любят выносить решения, когда нет завещания, а не все наследники присутствуют. Ведь такой вердикт потом всегда можно оспорить. Диего предполагает, что, если мы пойдем в суд, дело может затянуться, поэтому советует решить все полюбовно. К тому же, суд – это неизбежные расходы.

Габи горько вздохнула. Она это все прекрасно знала по собственному опыту. Ее бывший муж всевозможными увертками, отсрочками и встречными исками взял ее измором и вынудил сдаться в борьбе за раздел имущества при разводе. В итоге Габи вместо половины денег и регулярного содержания для себя и сына получила только их общий дом в Лос-Анджелесе, который сразу была вынуждена продать, чтобы покрыть расходы на адвоката и судебные издержки.

– Диего спросил меня, почему я не попросила у тебя помощи, – наконец высказала она свою главную мысль. – Он сказал, что официальными путями мы можем очень долго пытаться достучаться до моего отца. Но ты же можешь попробовать... ммм... что-то менее официальное?

– Прости, любимая, я тебя не очень понимаю.

– Дуг, ну я сама не понимаю, как так получилось. Если мы знаем, что человек жив, знаем, где он находится, ты же можешь как-то попытаться подобраться к нему что ли... и убедить, скажем, подписать документ, что он как второй наследник моей матери доверяет его адвокатам продать ее поместье. Диего уже подготовил соответствующую бумагу, отцу нужно только поставить свою подпись при свидетелях. Хотя, конечно, лучше, если он сам может явиться к душеприказчикам, которые занимаются материнским наследством. Может, удастся его убедить? В любом случае, Дуг, ты единственный человек сейчас, который может найти способ

с ним встретиться лицом к лицу и попытаться объяснить, насколько для меня это важно. Я больше ни знаю никого на свете, кто умел бы разыскивать людей так, как это делаешь ты.

– Вроде бы твоего отца не надо разыскивать, – сказал я.

– Даже если человек прячется за высокой стеной, он все равно прячется, – в отчаянии сказала Габи.

Я забрал у нее бокал, поставил на столик и взял обе руки в свои.

– Габриэла Розария Руис де Лара Торн, конечно, я сделаю все, что в моих силах. И не потому, что очень хочу твоих денег. Хотя мне нравится мысль, что я подцепил богатую невесту. Просто я всегда готов прийти тебе на помощь.

Габи улыбнулась и потянулась ко мне с поцелуями. Я обнял ее за шею.

– Есть только один момент, – сказал я немного отстраняясь, заглядывая одним своим глазом в ее.

– Какой? – спросил Габи, покусывая меня за ухо.

– Я обо всем расскажу Лекси.

Глава 4

Естественно, при упоминании Лекси Бальтазар настроение у Габриэлы снова испортилось. Я никак не мог понять ее неприязни к моей давней знакомой. Мне казалось, что тут дело не в ревности, во всяком случае, не в том, что касалось моей скромной персоны. Габи была разумной женщиной и не могла не видеть, что между нами нет никаких романтических поползновений, к тому же Лекси была младше меня почти вдвое, у нее был свой круг интересов и неведомых мне поклонников. Нас свела, так сказать, общая история расследования преступлений – я познакомился с Лекси, когда она еще училась в школе, позже она сама обратилась ко мне за профессиональной помощью, а затем мы еще несколько раз пересекались при довольно экстремальных обстоятельствах. Я даже не мог бы сказать, что мы с Лекси стали друзьями. Мы не ходили обедать вместе, не устраивали парных свиданий, не делились мелкими повседневными заботами. Тем не менее, мисс Бальтазар была одним из немногих людей, на которого я всегда мог положиться в серьезном деле.

Скорее всего Габриэлу раздражала сама Лекси – молодая, самоуверенная дочка обеспеченных родителей, учившаяся в Европе и закончившая престижный колледж Барнард. Как и многие умные и сильные женщины, Габи в душе была страшно завистлива и постоянно страдала от мыслей вроде «ах, если бы моя жизнь с самого начала сложилась по-другому». Я-то знал, что и жизнь Лекси вовсе не была усыпана розовыми лепестками, но не видел смысла делиться с моей невестой подробностями биографии своей напарницы.

Как бы Габи ни хотела, чтобы Лекси просто испарилась из нашей жизни, ей пришлось смириться с существованием девушки. Вот и теперь мне довольно легко удалось привести разумные доводы, почему мне не обойтись без ее помощи.

Остаток вечера и ночь прошли прекрасно. Вывалив на меня свои проблемы, Габриэла почувствовала явное облегчение. А после того как мы открыли вторую бутылку вина, Габи удалось выкинуть из головы мысли о наследстве, и мы предались более приятным занятиям.

На следующее утро, пока Габриэла еще спала, наслаждаясь законным выходным после нескольких больничных смен, я поехал в свой офис в Эхо-парке. По дороге я решил сделать крюк и посетить музей современного искусства – теперь, зная, что его проектировал отец моей невесты, это здание стало вызывать у меня почти родственный интерес.

Припарковавшись у тротуара, я взглянул на здание музея. В очередной раз меня восхитили простые линии и растянувшиеся вдоль фасада окна, несколько геометрических конструкций, фантастическим образом перетекающих одна в другую. При этом, в отличие от многих подобных сооружений, строение совсем не походило на нагромождение грузовых контейнеров. Казалось, в его форме есть какая-то загадка, еще одно скрытое измерение, которое невозможно уловить человеческим глазом.

Я подумал, неужели человек, создававший подобные строения, мог быть тем самым гадом, бросившей жену и маленького ребенка, а теперь морочащим людям голову сектантской чушью. Может быть, он просто сошел с ума? В конце концов, многие великие художники имели непрочный чердак и склонность к эксцентричным поступкам.

В итоге я не стал заходить внутрь музея, а поехал в свою контору. Поднявшись на пятый этаж, я подошел к двери, на которой уже четыре месяца красовалась табличка «Стин и Бальтазар. Частные расследования».

За дверью располагалась небольшая приемная, в которой сидела наша секретарша. Мэри-голд, как она сама просила себя называть, но я так и не мог заставить себя обращаться к ней подобным образом, поэтому официально величал ее мисс Пиблз.

– Доброе утро, – поздоровался я и вежливо осведомился, – Лекси у себя?

– Доброе утро, мистер Стин. Приехала полчаса назад, заканчивает отчет по делу Бобби-джей, – секретарша кивнула головой на соседнюю дверь.

Я снял шляпу и прошел в комнату, которую мы теперь делили с моим новым компаньоном, Александрой Бальтазар.

Нелепо, конечно, называть Лекси моим «новым» компаньоном. Как будто у меня когда-то был старый. На самом деле несколько лет я работал в одиночку, прекрасно обходясь без офиса и секретарши, довольствуясь объявлениями в газетах и коммутаторной службой, чтобы принимать звонки от клиентов. Потом Габи убедила меня в том, что мне нужна хоть какая-то контора, куда клиенты могут являться лично. Так я снял недорогую каморку, в которую едва влезали стол и два кресла.

А потом явилась Лекси и предложила мне партнерство. Закончив пару лет назад колледж, девушка вначале решила попробовать себя в журналистике. Но ее первый опыт работы в газете в качестве стажера оказался, мягко говоря, неудачным: в основном ей поручали варить кофе и делать выписки из архивов, а после попытки написать первый самостоятельный материал и вовсе уволили. В итоге Лекси решила больше не предпринимать попыток начать с начала в другом издании – чем-чем, а терпением и смирением она никогда не отличалась. Пару месяцев мы не общались, а потом она вдруг возникла в дверях моей конторы и с гордостью положила на стол калифорнийскую лицензию частного детектива.

Как оказалось, у Лекси созрел план. Она вообще была мастерицей по части планов. Девица продала свой шикарный «Порше», подаренный родителями в честь окончания колледжа, купила поддержанный «Рамблер Нэш», одолжила денег и предложила открыть совместное агентство. Выяснилось, что еще до разговора со мной она подыскала нам новый офис – в том же здании, но с приемной и кабинетом.

Лекси все с таким энтузиазмом изложила, что у меня не было сил сопротивляться. Я мог лишь удивляться тому, что теперь мою жизнь определяют женщины. Накладывая на меня новые ограничения и обязательства, они будто пришли на место армии и полиции, от которых я в свое время счастливо освободился.

Здесь же мне не было против чего бунтовать. Я по-прежнему приходил к контору, когда вздумается, и отказывался от дел, если они мне не нравились. И все же благодаря Лекси наши дела пошли в гору. Она с удовольствием разнималась слежкой и разнюхиванием – темперамент у Лекси был как у терьера – и могла легко проникнуть в такие места, где я выглядел крайне неуместно – например, в дамские магазины, салоны красоты или на закрытые вечеринки. Портье и официанты вообще ели у нее с рук, оказалось, Лекси способна выведать у них почти любую информацию. И хотя многие клиенты с недоверием относились к факту, что юная девушка является моим партнером, предпочитая воспринимать ее как «ассистентку», Лекси это вовсе не обижало. Мы оба знали, чего она стоит.

Кстати, появлением в приемной Мэриголд Пиблз я тоже был обязан Лекси. Эта пожилая румяная дама с аккуратным пучком на голове, которая, казалось, могла возглавить все мировые комитеты по бриджу, садоводству и помощи сиротам, на самом деле много лет проработала личной секретаршей одного из самых известных воротил Голливуда. Она легко переносила его приступы дурного настроения, идеально вела его огромную переписку, наизусть помнила все запланированные встречи и могла организовать аудиенцию в Кремле или в Ватикане буквально парой телефонных звонков.

Когда же ее шеф решил отойти от дел и отправиться в кругосветное путешествие с пятой по счету женой, он выплатил Мэриголд щедрую сумму, которой ей хватило бы на достойную старость и уход за больной сестрой. Сестры Пиблз жили вместе, и Мэригод поначалу очень обрадовалась, что теперь может уделять бедняжке инвалиду гораздо больше времени, а не только выдавать деньги на лекарства и сиделок. Но жизнь на пенсии оказалась вовсе не такой радужной, как представляла мисс Пиблз. Оказалось, что ее сестра вовсе не так больна и бес-

помощна – в доме давно установились довольно тиранические порядки, а безделье Мэриголд и вовсе выводило страдальцу из себя. Сестры начали отчаянно ругаться, причем, больная явно брала во всех спорах верх, поскольку намного комфортнее чувствовала себя в уютной домашней среде.

Мать Лекси, Аманда, тоже работавшая в кинобизнесе, давно дружила с Мэриголд, и, узнав о ее плачевной ситуации, предложила выйти на работу в наше агентство. Как я уже упоминал, в деньгах мисс Пиблз особо не нуждалась, поэтому согласилась на весьма скромную зарплату. Зато она просто расцвела от перспективы снова каждый будний день уезжать из дома в контору, где она отвечала на звонки, вела наше нехитрое делопроизводство, а в перерывах с удовольствием вязала или читала любовные романы. Как сообщила мне Лекси, которая часто оставалась в приемной поболтать с Мэриголд, ее сестра вначале возмутилась этой «прихоти», но быстро успокоилась, наняла новую медсестру-компаньонку, и теперь в доме вновь воцарился мир.

Глава 5

Когда я зашел в кабинет, Лекси сидела за своим столом напротив окна и ловко стучала на машинке четырьмя пальцами.

– Привет, Дуг, – бросила она, не отрываясь от своего занятия. – Сейчас закончу отчет для мистера Боббиджа, потом попрошу Мэриголд его перепечатать. Я всегда делаю ошибки. Можем выставить ему счет.

Став моим партнером, Лекси перестала меня называть «мистером Стином», к чему я тоже до сих пор не мог привыкнуть.

– Почему ты сразу не диктуешь все мисс Пиблз? – спросил я.

– Не знаю, – Лекси прекратила печатать и взглянула на свои записи в блокноте. – Наверное, мне вначале надо самой разобраться, а для этого изложить свои мысли на бумаге. Пока я не начну печатать, я сама не помню, что делала, – усмехнулась она.

– Когда закончишь, мне надо с тобой поговорить, – сказал я, садясь за свой стол и открывая книжку. – Ничего, я подожду.

Лекси постучала по клавишам еще минут десять, потом отнесла бумаги в приемную и присела ко мне на стол. Я обратил внимание, что сегодня на ней были какие-то излишне облегчающие бриджи, открывающая плечи блузка, а на загорелых ногах лимонные сникерсы. При этом лицо было покрыто белым гримом, а васильковые глаза подведены жирными стрелками, что делало ее черты еще более непропорциональными.

Лекси нельзя было назвать красавицей, хотя все казалось бы к этому располагало. У нее были огромные синие глаза, опущенные густыми ресницами. Широкий чувственный рот. Прямой патрицианский нос и высокий лоб. Проблема была в том, что каждый из этих элементов на лице Лекси словно кричал «я, я тут главный!» и стремился отвоевать пространство у конкурентов. Когда мы только познакомились, Лекси была еще подростком, и эта непропорциональность казалась преходящей, даже обещавшей зрелую красоту. Но спустя семь лет выяснилось, что именно она определяла внешность девушки. Исчезла детская припухлость, из-за чего глаза стали казаться еще больше, а нос – длиннее. Под полным крупным ртом вылез еще и довольно решительный подбородок. К тому же, лицо Лекси постоянно пребывало в движении, она радостно и щедро улыбалась, а когда хмурилась, то собирала весь свой задумчивый лоб в разнообразные морщинки. Впрочем, в отличие от сверстниц из Лос-Анджелеса, Лекси, казалось, не придавала большого значения собственной привлекательности. Я никогда не замечал у нее отрететированных ракурсов, застывшей улыбки, отработанной перед зеркалом, призывных взмахов ресницами. Хотя, насколько я знал, у нее не было отбоя от поклонников. Особенно с этой раскованной привычкой одеваться и вызывающим макияжем. Длинные светлые волосы моя партнерша уложила в какую-то чудовищную прическу, напоминающую развороченное гнездо. На вид – обычная калифорнийская бездельница, а не частный детектив. Я представил, какое люди испытывают потрясение, когда Лекси показывает свою лицензию.

– Давай рассказывай. Новое дело? – буркнула она.

– Не совсем. Это дело, но не для обычного клиента. Оно касается Габриэлы.

Я спокойно изложил всю историю, стараясь не упустить ни одного скудного факта. Лекси запустила руку в волосы, так что из их месива выбилось еще несколько прядей.

– Никогда не слышала про этого Торна, – легкомысленно сообщила она. – Впрочем, я и не хожу по музеям. Интересно, что это за знаменитости, которые вступили в его секту...

– Статья была в «Сан». Вышла где-то месяц назад. Можно поговорить с журналистом, который ее писал, – задумчиво сказал я, делая пометку в блокноте.

– Да! – Лекси спрыгнула со стола, как резиновый мячик. – Нам надо побольше разузнать про этого Габриэля Торна. Говоришь, он исчез лет тридцать назад, а недавно вернулся в Калифорнию?

Я мысленно подсчитал. Габи было тридцать четыре года, она говорила, что отец сбежал почти сразу после ее рождения. Значит, это мог быть 28-й или 29-й год. Я подумал, что начать лучше всего с самого простого – найти людей, которые знали Торна лично. Если в двадцатые годы он был известным и успешным архитектором, это будет не сложно. В душе я обрадовался тому, что отец Габриэлы не работал слесарем или коммивояжером.

Я набрал номер приемной и попросил мисс Пиблз разыскать для меня адрес и телефон какой-нибудь калифорнийской ассоциации архитекторов, хотя я не был уверен, что подобная организация существует. Через пару минут она соединила меня с неким мистером Джобсом, ответственным секретарем Калифорнийского совета архитекторов. Я представился. Казалось, человек на том конце провода очень удивился.

– Чем я могу вам помочь? – спросил Джобс.

– Я ищу информацию о Габриэле Торне, – сказал я. – Вы знаете, кто это?

– Конечно, я знаю, кто такой Габриэль Торн, – возмущенно пропыхтел Джобс.

Хотя, судя по голосу, он вряд ли мог помнить Торна лично, наверняка знание таких имен входило в его профессиональную компетенцию. Но чем это могло мне помочь?

– Видите ли, я действую по поручению клиента... родственника мистера Торна. Мне бы хотелось поговорить с тем, кто знал его лично. Он же имел какие-то отношения с вашим советом?

– Естественно, – фыркнул Джобс. – Наша организация руководит комиссией, которая выдает архитектурные лицензии и разрешения на строительство с 1901 года. Мистер Торн, будучи дипломированным архитектором, регулярно общался с членами совета, поскольку его проекты были весьма востребованы.

– А среди членов вашего совета есть те, кто общался с Торном лично?

– Возможно, – уклончиво ответил Джобс. – Какую именно информацию вы пытаетесь получить?

– О, самую общую, – я вложил в голос максимум дружелюбия. – Что он был за человек, каков его характер.

– Это как-то связано с... проектом... который Габриэль Торн сейчас... возглавляет? – было слышно, как Джобсу трудно подбирать слова.

– Отчасти, – признал я. – Так вы об этом слышали?

– В нашей области это вызвало некоторый скандал, – смущенно признал Джобс. – Послушайте, а вы случайно не журналист? – В голосе зазвучали недоверчивые нотки.

– Нет, – успокоил я его. – Я действительно частный детектив. И действую исключительно частным образом по поручению родственника мистера Торна. Если вы сможете помочь мне встретиться с теми, кто знал его, я подъеду сам и предъявлю свою лицензию. Уверю вас, мне совсем не хочется раздувать скандал вокруг такой почтенной организации, как Калифорнийский совет архитекторов.

– Ну, не знаю, – протянул Джобс. – Мистер Брукнер наверняка помнит Торна... Я мог бы спросить его... Если он захочет с вами разговаривать... Он, знаете ли, почти ничего не слышит.

– Где вы находитесь? Я мог бы приехать.

– В Сакраменто.

Я мысленно выругался. Типичная ошибка жителя Лос-Анджелеса – считать Лос-Анджелес центром вселенной. Временами я забывал, что почти все серьезные организации располагались в столице штата.

Пока длилось молчание, Джобс очевидно понял, что мне не слишком нравится перспектива тащиться в Сакраменто ради сомнительного разговора с глухим стариком.

– Послушайте, я придумал, как вам помочь, – наконец выдавил он. – Попробуйте обратиться к Уолтеру Кэннелу. Это почтенный архитектор, в Лос-Анджелесе он возглавляет собственное бюро. Сейчас ему под семьдесят, но он еще вполне бодр, и память у него отличная. Когда-то они с Торном были партнерами, так что он должен по идее неплохо его знать.

Я поблагодарил Джобса и попросил мисс Пиблз соединить меня с архитектурным бюро Кэннела. Как всегда, у нее это не заняло много времени, причем, на проводе был сам мистер Кэннел. Я подозревал, что у Мэриголд при желании нашелся бы и номер прямой линии Овального кабинета.

Мне вновь потребовалось некоторое время, чтобы убедить своего собеседника, что я не журналист и не собираюсь полоскать в грязи почетную профессию американского архитектора. Помогло то, что я сослался на Джобса. Наконец старикан на другом конце провода согласился меня принять – но не в офисе, а в гольф-клубе, где он проводил вторую половину дня.

Закончив переговоры, я обнаружил, что Лекси испарилась из нашего кабинета.

– Она совсем ушла, мистер Стин, – подтвердила Мэриголд из приемной. – Не сказала, куда. Вы же ее знаете.

Мне оставалось только пожать плечами. Если моей партнерше приходила в голову какая-то идея, она начинала действовать незамедлительно, пока идея еще казалась привлекательной и разумной.

Я посмотрел на часы. До визита в клуб Кэннела оставалась еще уйма времени, так что я положил ноги на стол и открыл книгу. Точнее, сразу две книги: трагедии Сенеки и латинско-английский словарь. Я изучал латынь, когда еще учился на юридическом, более-менее помнил грамматику, поэтому мне казалось, что со словарем я сумею одолеть великого стоика в оригинале. К счастью, в столе у меня еще лежала и третья книга – перевод Сенеки на английский, и не скрою, что мне частенько приходилось к ней обращаться.

Читать книги безо всякой цели, просто для удовольствия – это была моя мечта с детства, возможности воплотить которую я был лишен долгие годы. Теперь я хватался за книгу при любом удобном случае, а иногда так погружался в выдуманные миры и перипетии судеб героев, что мне с трудом удавалось заставить себя вернуться к реальным делам.

Глава 6

Во время ленча позвонила Габриэла, поинтересовавшись моими планами на вечер. Я ответил, что не знаю, сколь долго буду заниматься делами, но могу заглянуть к ней на стаканчик, если она еще не ляжет спать. Поскольку Габи поняла, что под «делами» я имею в виду именно ее дела, такой ответ ее вполне удовлетворил.

Когда наступил положенный час, я надел шляпу, на всякий случай попрощался с мисс Пиблз и поехал в гольф-клуб Кэннела в парке Монтерей. Архитектор любезно внес меня в список своих гостей, так что охранник без вопросов открыл передо мной ворота.

Я искренне надеялся, что мне не придется вприпрыжку бежать за Кэннелом по полю и восхищаться его ударами – никогда не разбирался в гольфе и не понимал, как можно получать удовольствие от этой игры. К счастью, оказалось, что он ожидал меня за столиком на веранде клуба, куда меня и препроводил метрдотель.

Кэннел мне понравился. Это действительно оказался весьма бодрый пожилой мужчина. Он не выглядел моложе своих лет, но от него словно исходила какая-то юная энергия, не позволявшая назвать его стариком. Чем-то архитектор напомнил мне Айка Эйзенхауэра – такой же жилистый тип с короткими седыми волосами и пронзительными стальными глазами. Кэннел пожал мне руку – естественно могучей хваткой – и тут я заметил, что с ним за столом сидит еще один человек, который тоже тянет ко мне клешню поздороваться.

Он был сильно моложе Кэннела, но семейное сходство бросалось в глаза, из-за чего я сделал вывод, что имею дело с Кэннелом-младшим. И не ошибся.

– Знакомьтесь, Эдвард Кэннел, мой сын. И деловой партнер. Мы вместе руководим бюро «Кэннел, Кэннел и Шульц».

Я протянул обоим Кэннелам свои визитные карточки. Эдвард принялся внимательно изучать свой экземпляр будто тысячедолларовую банкноту и не прерывал этого занятия, даже когда официант подошел узнать, какие напитки нам принести. Я заказал содовую, а старший Кэннел взял по сухому мартини для себя и сына.

– Напитки для членов клуба и их гостей бесплатны, – вдруг очнулся Кэннел младший.

Я рассеянно кивнул.

– Предпочитаю не пить на работе. Старая полицейская привычка.

Отец и сын обменялись взглядами. Я не заметил в них тревоги, скорее какое-то дружеское взаимопонимание. Интересно, Кэннелы и правда предпочитают вместе проводить вторую половину дня на поле для гольфа или отец специально позвал сына на встречу со мной с каким-то умыслом?

– Как я понимаю, вы хотели расспросить меня о Габриэле Торне, – промолвил старший. – Можно узнать, с какой целью.

К этому времени я уже успел сформулировать версию ответа, достаточно правдивую, но не раскрывающую имя Габи и суть ее интереса.

– Меня наняли члены семьи мистера Торна, – объяснил я. – Поскольку он исчез много лет назад, а теперь снова объявился в Калифорнии, возникли некоторые имущественные вопросы. Родственники его давно не видели и пока не могут вступить с ним в контакт. К тому же мистер Торн ведет себя... довольно специфично. Вот я и хочу понять, что он за человек, прежде чем предпринять дальнейшие шаги.

– Вы уже посещали его так называемый «Собранный путь»? – прищурился Кэннел.

– Пока не довелось.

– Понятно. Ну, что ж. Я расскажу вам о Гейбе Торне, правда, не понимаю, как вам это сейчас может помочь.

Он вздохнул и отпил из своего бокала.

– Мы начинали с Гейбом вместе. Фактически мы одного возраста, почти одновременно получили дипломы архитекторов, хотя и учились в разных школах. Вначале мы стажировались в одном бюро, у Обердорфа, знаменитого архитектора, эмигрировавшего из Швейцарии. Там и познакомились. Мы сошлись на почве общих интересов, у нас, естественно, как и у всех начинающих, было свое видение настоящего американского стиля – совершенно противоположное тому, что делал Обердорф. К тому же нас не допускали до серьезных проектов. В общем, мы с Гейбом как-то сидели в баре и решили, что можем рискнуть и основать собственную фирму. Со средствами проблем не было: Гейб был из богатой семьи, я тоже мог позволить себе вложить деньги. Конечно, поначалу было непросто. Мы оба были молоды, нас никто не знал, но тогда в Калифорнии был строительный бум. Голливуд разрастался, появлялись новые набобы и кинозвезды, которым непременно нужен был особняк или вилла, – Кэннел улыбнулся своим воспоминаниям. – К тому же молодость и происхождение сыграли нам на руку. Мы ходили на вечеринки, набивались в гости, посещали подпольные клубы, где отлавливали выскочек и, пока они пили, вливали им в уши наши проекты. Так что дела быстро пошли в гору. Вот тут и стала очевидна разница между мной и Гейбом. Он, не побоюсь этого сказать, был гением. Он создавал образы поистине прекрасных зданий из каких-то простейших форм. Даже заказчики, которые приходили со своими собственными идеями, увидев проекты Гейба, тут же забывали обо всем, что они там себе навоображали. В общем, скоро мы оба поняли, что наши пути расходятся. Расстались весьма мирно – каждый забрал свою долю и занялся делом. Я привлек новых партнеров, мы продолжали выполнять частные заказы, бизнес рос. Гейб же открыл собственное бюро, где уже не сдерживал свое визионерство. Вы видели здания в центре, которые он построил?

– Видел несколько. Очень впечатляет.

– Да. Все были под впечатлением. А ведь ему еще не исполнилось и тридцати. Он посылал проекты на конкурсы и неизменно выигрывал. Ему начали подражать. Каюсь, даже я иногда заимствовал какие-то его идеи, конечно, в своей скромной манере. Я никогда не мнил себя художником, но точно знал, что нужно заказчикам, – доверительно наклонился ко мне Кэннел. – Это меня всегда и выручало. Даже когда началась рецессия, наша фирма оставалась на плаву. И войну мы пережили. Теперь я смогу оставить дело сыну.

Старик с гордостью посмотрел на Эдварда. Я понял, что мысленно он уже соскочил с воспоминаний о Торне к истории собственных успехов, поэтому решил вернуть его в нужное мне русло.

– Торн исчез в конце 20-х годов. Может, его фирма пала жертвой финансового кризиса?

Кэннел пожевал губами и снова сделал глоток.

– Не думаю. Он работал на себя, был, фактически, свободным художником. Без заказов он все равно бы не остался. К тому же, повторю, Гейб был из богатой семьи и мог не заботиться о деньгах, а просто творить для удовольствия. Если честно, к этому моменту мы с ним уже несколько лет не общались. Так что я не знаю, что творилось в голове у Гейба перед исчезновением.

– Почему вы не общались? – заинтересовался я.

– Гейб сильно изменился, – медленно произнес Кэннел. – Мне кажется, его сильно подкосила смерть жены и ребенка. Он и до этого не отличался общительностью. Он был светским скорее из вежливости и воспитания, а так его больше всего увлекала только работа. А после трагедии он совсем замкнулся в себе. Если мы встречались на каких-то мероприятиях для архитекторов, то он быстро здоровался и тут же отходил в сторону, будто боялся, что его будут расспрашивать о жизни.

Я не мог скрыть изумления.

– Вы сказали о смерти жены и ребенка. Вы были с ними знакомы? Как их звали?

– Конечно, я их знал. Гейб женился довольно рано. Едва ли не сразу после колледжа. Они с Мэри друг друга обожали. Она никогда не скандалила из-за того, что он мог на несколько дней запереться в кабинете, работая над проектом. Или, что он уходил в пьяный загул, когда не шло вдохновение. Мэри укачивала маленького Джона, когда Гейб работал. А он сам, когда родился ребенок, тут же бросил все гулянки. Каждую свободную минуту стремился проводить с семьей. Честно говоря, я им немного завидовал. Я тогда еще сам был холостым, не встретил твою мать, – подмигнул он Эдварду. Тот смутился.

Мэри и Джон, подумал я. Какая прелесть. Интересно, знает ли Габриэла о своем погибшем брате.

– Когда они умерли?

– Уже не помню, – недоуменно посмотрел на меня Кэннел. – Года за три или за четыре до его исчезновения. Автомобильная авария. Ужасная трагедия. Странно, почему вы спрашиваете. Родственники, которые вас наняли, по идее должны это знать.

К Кэннелу вернулась подозрительность. Я решил немного приоткрыть карты.

– Меня наняли родственники его второй жены, – сказал я. – Видимо, они не знали об этом происшествии.

Тут настала очередь старика вылупиться на меня.

– Вы сказали «второй жены»?! Но как это возможно? Когда Гейб снова успел жениться?

– Получается, где-то за год до исчезновения. Во всяком случае, у него родился еще один ребенок, которого он бросил совсем младенцем.

– Боже мой.

Кэннел был явно потрясен. Он достал носовой платок и вытер пот с высокого лысеющего лба. Потом с сомнением посмотрел на бокал с остатками мартини, словно раздумывая, не заказать ли чего покрепче.

– Я и понятия не имел, – проговорил он. – Как я и сказал, мы почти не общались с Гейбом после смерти Мэри. Он сам пресекал все попытки общения, бросил старый круг друзей. Мы... в общем... подозревали, что он запил. Много раз пропускал заседания комиссий, в которых состоял. Кто-то видел его в баре, почти лежащим на стойке. Но я думаю, что он просто заперся и пил в своей студии. Если честно... мы тогда... те, кто его знал, не очень удивились, когда Гейб пропал. Решили, что у него депрессия, и он больше не может оставаться в своей студии, да просто в городе, где он был так счастлив. Решили даже, что он...

– Наложил на себя руки? – любезно подсказал я.

– Были такие мысли, – признал старик. Он как-то сразу утратил весь молодецкий задор и больше не походил на генерала-победителя. – Да, я долгие годы корил себя за то, что проявил себя плохим другом. Что мне надо было больше внимания уделить Гейбу, прорвать его стену отчуждения... Но если вы говорите, что он снова женился... Это же все меняет.

– Не обязательно, – задумчиво произнес я. – Вполне возможно, что он пытался заместить потерянную семью новой, а когда понял, что ничего не получается, просто сбежал.

Кэннел задумчиво кивнул и сделал знак официанту принести еще бокал.

– Но все-таки Габриэль Торн вернулся, – напомнил я. – Вы виделись с ним?

– Да. И это было ужасно, – передернул плечами Кэннел. – Я его едва узнал. Глаза, форма носа и лба его, но все остальное...

Я вспомнил, что говорю с профессиональным архитектором, который даже человеческие лица воспринимает в виде суммы пропорций.

– Передо мной стоял опустившийся старик, – продолжал он тем временем. – С жуткими длинными седыми патлами, неряшливой бородой. И одет он был в какую-то хламиду, то ли индийскую, то ли египетскую. На ногах сандалии. Я хотел поговорить с ним, вспомнить старые времена, но Гейб лишь посмотрел на меня, как на какую-то букашку, и сказал «оставь это». И все. Словно захлопнул дверь у меня перед носом.

– Зачем вы встречались?

– О, это самое интересное. Вы же слышали всю эту галиматью про «Храм Возрождения»? Я кивнул.

– Вначале, когда Гейб вернулся два года назад, мы все очень обрадовались. Честно. Я был рад узнать, что с ним все в порядке, во всяком случае, физическим. И к тому же, Габриэль Торн – это по-прежнему легенда в нашем мире. Выглядело так, будто он хочет вернуться к работе. Но все пошло наперекосяк. Эдвард расскажет лучше меня, – кивнул он сыну.

Тот с сожалением оторвался от созерцания моей лежащей на столе визитки.

– Да, мистер Торн написал письмо в комитет Американского института архитекторов, в котором я состою. Мы тогда объявили конкурс «США будущего» – на самый оригинальный проект общественного здания. Институт периодически устраивает такие конкурсы, спонсоры охотно дают на них гранты. В основном они служат поддержке начинающих архитекторов. Конечно, скорее всего, эти проекты не будут реализованы, потому что иногда там побеждают чистые безумства, но это дает шанс молодым заявить о себе, получить денежный приз и пустить его на что-то менее экстравагантное, – Кэннел-младший усмехнулся. – Так вот, мистер Торн заявил, что желает представить свой проект на конкурс. Мы, конечно, удивились. Сами подумайте – это же Габриэль Торн, живая легенда, а хочет участвовать в конкурсе для дебютантов. Но в нашей переписке мистер Торн вполне разумно объяснил, что, раз уж он давно выбыл из бизнеса, то не хочет сразу открывать контору и искать новые заказы. Что ему надо в первую очередь заявить о своем возвращении. В этом смысле конкурс «США будущего» подходил идеально. У нас была даже договоренность, что самые интересные проекты мы опубликуем в журнале «Архитектурный дайджест». Я посоветовался с отцом и другими членами комиссии, так что мы даже решили пойти мистеру Торну навстречу. Не заставлять его участвовать в общем конкурсе, а принять его работу в рамках отдельной программы. Может, даже выдать приз, например, «за вклад в облик современной Калифорнии».

Эдвард перевел дух.

– Но что-то пошло не так? – спросил я.

– Все, – мрачно кивнул он. – В первую очередь сам проект мистера Торна. Он прислал нечто... невообразимое. Какой-то нелепый сплав из буддийских пагод, египетских пирамид и Вавилонской башни, если бы она существовала. Чем-то его макет напоминал знаменитый Дворец Советов, который хотели построить в СССР, только намного фантастичнее. Внизу была пирамида, обнесенная арками и галереями на манер слоеного пирога. А венчала это все башня, напоминающая гигантскую печную трубу. Я даже не буду перечислять, какие там были проблемы с окнами и переходами, мы с коллегами провели не один вечер, пытаясь разобраться в этой конструкции.

– Я так понимаю, это и был знаменитый «Храм Возрождения»?

– О, да. В конце концов, мы решили, что не можем допустить этот опус на конкурс, даже в специальном формате. Это было не здание, а воспаленный бред архитектора. Я не решился послать отказ мистеру Торну в письме, поэтому пригласил его на встречу в совет института.

– И он явился?

– Да. Как и описал отец: с длинными волосами, в балахоне и сандалиях. Сперва наш привратник не хотел его пускать. Мы постарались вежливо объяснить мистеру Торну, что хотя его проект очень... интересен, мы не можем его допустить ни на одно из мероприятий, организуемых Архитектурным институтом. И вряд ли он получит одобрение Калифорнийского совета архитекторов. Что тут началось! – Эдвард сжал зубы и выдохнул. – Торн бушевал и в прямом смысле слова проклинал нас. Он орал, что столько лет совершенствовал свое искусство и впитывал мировую мудрость, пока не смог постичь конструкцию идеального здания для перерождения человеческой души, а мы – тупоголовые муравьишки (он именно так и сказал) не можем распознать его величие.

– Вы считаете, он сошел с ума? – уточнил я.

Отец и сын переглянулись.

– В определенный момент мистер Торн действительно вел себя как одержимый, – согласился Эдвард. – Особенно когда стал утверждать, что его здание не предназначено для обычной жизни, оно предназначено для жизни после смерти.

– Жизни вне смерти, – уточнил старший Кэннел. – Он так сказал.

Эдвард кивнул.

– Но потом он быстро успокоился. Особенно когда я разъяснил ему, что он фактически не может заниматься архитектурной деятельностью в Калифорнии. Его лицензия давно просрочена, он не платил взносы в свою гильдию, а после сегодняшнего скандала на его профессиональной карьере и вообще можно поставить крест. Во всяком случае, в нашем штате. Он о чем-то посоветовался со своим помощником, таким неприятным молодым человеком лет тридцати, после чего оба молча нам кивнули и удалились.

– К счастью, скандал удалось замять, – продолжил Кэннел. – Мы просто сделали вид, что никакой заявки не было. Все-таки для многих Гейб – по-прежнему недостижимый авторитет современной архитектуры. Его ранние работы изучают в университетах. Мы не хотели позорить его имя.

– Но потом прошел слухок, что Торн основал какую-то общину, где возводит этот самый храм. То тут, то там упоминалось его имя. Наконец эта идиотская статья в «Сан». Мы боимся, что скандала все-таки не удастся избежать. Говорят, у Торна уже появилось много последователей.

– Сейчас такие странные времена настали, – мрачно промолвил Кэннел. – То, что противоречит разуму, многим кажется привлекательным. Все эти эксперименты с сознанием, с расширением психических возможностей. Современные люди готовы поверить в любую волшебную башню или храм, обещающий им жизнь после смерти или вечное блаженство. Как по мне, американцы стремительно глупеют.

Я хотел сказать, что не только американцы и не только теперь. Всегда существовали мистические учения и таинственные храмы, и всегда находились люди, которые хотели в них верить.

– Мне жаль моего друга, мистер Стин, – печально промолвил Кэннел. – Жизнь обошлась с ним несправедливо. Все что я могу – это сделать все от меня зависящее, чтобы мир запомнил Габриеля Торна великим архитектором, а не очередным шаманом-мошенником.

Глава 7

Я попрощался с Кэннелами и попросил разрешения позвонить из гостиной клуба. Официант указал на телефон, деликатно прикрытый пыльными гибискусами. Поскольку старый Кэннел несколько раз упомянул, что в молодости Торн был светским гулякой, я подумал, что есть шанс получить больше информации от моего знакомого Нэда Камински, который занимался сплетнями и знаменитостями в «Икземинер». Нэд работал на этой должности невероятно долго, кажется, он помнил еще времена Рудольфо Валентино и Говарда Хьюза. Хотя Нэд казался уже слишком старым для такой работы, он обладал великолепной памятью и знал подноготную всех голливудских звезд, старых и нынешних, а его энергии могли бы позавидовать люди вдвое моложе – во всяком случае, так, видимо, считала его четвертая жена, которая регулярно нанимала сыщиков, чтобы уличить Нэда в измене. Однажды я даже указал Нэду, что за ним увязался «хвост», поэтому с тех пор он испытывает ко мне что-то вроде благодарности.

К счастью, Камински был в редакции и сразу взял трубку.

– Дай угадаю: тебе снова нужна информация о каком-то типусе? – начал он вместо приветствия.

– Да, Нэд, только ты..

– Послушай, Стин, – не дал он мне закончить. – Ты в курсе, что это частные сыщики делятся информацией с прессой, а не наоборот? У меня отбоя нет от твоих более разумных коллег, которые следят за знаменитостями, а потом пытаются продать «сенсационные» фото в газеты. Поверь, мы хорошо платим, – в голосе послышался смешок.

– Я уже слишком стар, чтобы убежать от доbermanов на вилле Кларка Гейбла.

– Гейбл – вчерашний день. Сейчас тебе придется здорово погонять на автомобиле, чтобы сделать горячие фото Стива Маккуина⁵.

Мне показалось, что мы уже достаточно обменялись любезностями, поэтому я сухо кашлянул в трубку и выпалил:

– Нэд, что ты помнишь о Габриеле Торне?

– О ком? – переспросил он. – Дай подумать. Нет, первый раз слышу это имя. Он актер? Режиссер? Плейбой? Коммунист?

– Нет, архитектор. В 20-е годы построил несколько известных зданий в Лос-Анджелесе. Жил довольно насыщенной жизнью, мог появляться в светской хронике.

– Архитектор? Не смей меня. Он был замешан в каком-то скандале? Назови мне другие имена, может, я вспомню историю.

– Нет. Он просто исчез на много лет. Уехал из страны, кажется. А теперь вернулся и основал какую-то секту или общину...

– Черт тебя побери, Стин. Ты знаешь, почему я столько лет в этом бизнесе. Первое правило: не связывайся с сектантами. У них самые лучшие адвокаты. Вначале ты пишешь о каком-то новомодном гуру, потом газету забрасывают письмами разочарованные поклонники гуру, которые утверждают, что их обманули, что гуру оказался вовсе не шри какой-то там из Индии, а Хаим Рабинович из Питтсбурга, а потом приходят сутяжники этого шри и подают на газету иск за диффамацию и нарушение тайны личной жизни. Так что от всех сект я стараюсь держаться подальше.

– Я понял. Но вот месяц назад про эту общину вышла заметка в «Сан».

---

⁵ Американский актер, прославившийся ролями в вестернах «Разыскивается: живой или мертвый» и «Великолепная семерка». Считается, что Стив Маккуин стал прототипом персонажа Рика Долтона в фильме Квентина Тарантино «Однажды... в Голливуде»

Нэд фыркнул.

– Подписана неким «Л. Смит». Ты знаешь такого?

Нэд фыркнул снова.

– Не такого, а такую. Луэлла Смит, бойкая девчонка. Приехала откуда-то со Среднего Запада, где работала чуть ли не в сельскохозяйственном вестнике. Очень хочет пролезть в мир настоящих знаменитостей, но пока что ей дают писать вот такое барахло. Небось, одна колонка без фото?

– Да. Ты не знаешь, как с ней связаться?

– Попробуй через редакцию. Мы не настолько близки, чтобы я знал ее домашний номер, – огрызнулся Нэд.

Положив трубку, я взглянул на часы. Разговор с Кэннелами занял у меня почти два часа, время шло к пяти. Я перезвонил в контору, узнал у Мэриголд, что Лекси не возвращалась и не звонила, пожелал ей хорошего вечера и поехал в город в редакцию «Сан».

Мне показалось, что проще разыскать Луэллу Смит на месте, чем прорываться через армию секретарш и пытаться по телефону объяснить, кто я такой и что мне нужно.

В приемной газеты я спросил, как мне найти мисс Смит и после нескольких бессмысленных переговоров был все-таки препровожден в общую репортерскую комнату к ее столу. За ним сидела совсем молодая девушка, может, чуть постарше Лекси, мрачно уставившись на пустой лист в печатной машинке.

Луэлла Смит была платиновой блондинкой, не знаю, насколько натуральной изначально, но уж точно осветленной. С ее приятного круглого лица со вздернутым носиком еще не сошел здоровый загар и румянец прерий, мускулистые руки и широкие плечи, которые делали ее немалый бюст еще более внушительным, также выдавали в ней гордую представительницу рода североевропейских эмигрантов-фермеров. При этом, одета мисс Смит была строго белую блузку и юбку-карандаш, выгодно подчеркивающую ее спортивные лодыжки, а волосы были уложены в безукоризненную прическу в стиле Авы Гарднер. Никаких растрепанных патл, узких вельветовых брюк и полурасстегнутых рубашек с бахромой – чем в последнее время имела обыкновение шокировать меня Лекси.

Я представился, показал свою визитку и лицензию и объяснил суть своего визита.

– Вы про эту заметку? – удивилась Луэлла. – Я не слишком много знаю. Но можем поговорить. Только давайте не здесь, тут очень шумно. Я знаю неплохой бар неподалеку, там можно сесть в отдельную кабинку.

Мисс Смит ловко всунула ноги в туфли на каблуках, подхватила со стола свою сумочку и показала мне, что готова идти. Как и многие молодые девушки, она игнорировала саму идею шляпок.

Я догадывался, что «бойкая» мисс Смит, как назвал ее Камински, хочет не столько поделиться со мной информацией, сколько выпытать у меня дополнительные подробности, которые она сможет использовать в следующей статье. Я не имел ничего против того, чтобы рассказать ей несколько дополнительных фактов о Торне, но совсем не собирался впутывать сюда Габриэлу.

Бар действительно оказался недалеко от редакции, и там нашлась свободная кабинка. Луэлла заказала «Том Коллинз»⁶, я же решил, что вполне могу позволить себе стакан пива.

– Откуда вы узнали о секте Торна? – прямо спросил я.

– О, они совсем не считают себя сектой. Это скорее добровольная община.

– Хорошо, об общине.

– Не помню, – притворно легкомысленно бросила Луэлла. – Услышала на какой-то вечеринке. Там были актрисы, и одна из них рассказывала, как Торн помог ее подруге. У той были,

---

⁶ Коктейль на основе джина, сахара, лимонного сока и содовой

скажем так, некоторые проблемы со здоровьем, но потом она побывала в Храме Возрождения, – я буквально услышал большие буквы. – И полностью преобразилась. Как вы понимаете, я не могу раскрывать свои источники, – напыщенно добавила она.

– Значит, храм существует?

– По-моему, он все еще строится. Но какие-то свои функции он уже выполняет.

– А вы сами были в общине? Видели храм? Разговаривали с Торном?

Луэлла на минуту замешкалась.

– Нет. Меня не пустили. Поэтому и статья получилась такой маленькой. А теперь, – она наклонилась ко мне. – Моя очередь. Почему вы интересуетесь Торном?

– По просьбе клиента, – улыбнулся я. – Как видите, я тоже не могу раскрывать свои источники. Скажем так, я собираю информацию.

– Кто-то хочет вступить в общину, но вначале решил разузнать о ней побольше? – попыталась угадать Луэлла. Судя по блеску в глазах, ей казалось, что она попала в точку. Мне ее версия тоже понравилась в качестве предлога интересоваться Торном, поэтому я неопределенно кивнул.

– Честно говоря, когда меня развернули от ворот общины, я тоже решила узнать побольше о мистере Торне. Сходила в архив округа, посмотрела записи о его семье. Торны – очень знатный и уважаемый род в тех краях. Но какой же несчастный! И эта трагедия с женой мистера Торна и его ребенком. Это было в местных газетах, я подняла подшивку. Я отчасти понимаю, почему он начал искать ответы за границами материального мира. Как будто над всей их семьей висит какой-то древний рок. Я даже хотела написать статью «Проклятие Торнов», но редактор зарубил, – она грустно втянула коктейль. – Сказал, что древние истории никого не интересуют, а мистер Торн может подать на газету в суд за посягательство на частную жизнь. Эх, вот если бы он умер, я бы, может, и смогла убедить редактора пустить мою статью в печать, – мечтательно произнесла Луэлла.

Я чего-то не понимал в ее словах.

– Погодите, об архиве какого округа вы говорите? Какой еще древний род?

– Риверсайд, конечно, – удивленно уставилась на меня Луэлла. – Вы разве не знали? Община Торна расположена в его же фамильном владении. Это его собственная земля. Поэтому он и может там все обнести оградой и строить, что ему заблагорассудится.

Как я раньше не догадался сам проверить, идиот! Мне казалось, что Торн из Лос-Анджелеса или его окрестностей, поскольку Габи родилась и выросла в Сан-Бернардино. И когда Кэннел рассказывал о его «богатой семье», мне не пришло в голову уточнить, откуда он родом. Судя по тому, что рассказала мисс Смит, и первый брак Габриэля Торна и гибель его жены и сына, были зарегистрированы в Риверсайте.

– А другие Торны в тех краях еще живут? – спросил я.

– Только старая миссис Корнелиус Торн, вдова отца мистера Торна, – затрясла бровями Луэлла. – Она так и жила все эти годы в семейном поместье. Торн огородил себе участок, оставив ей достаточно земли.

– Вдова? То есть мать Габриэля?!

Я был шокирован. Мне предстояло рассказать Габи, что у нее жив не только отец, но и бабушка.

– Нет, мачеха. Вторая жена генерала Корнелиуса. Она, конечно, уже совсем старая, ей лет под восемьдесят. Но все еще очень бодрая. В этом я смогла убедиться лично, когда она вышла из ворот своего замка, чтобы распорядиться выгнать меня из поместья, – Луэлла весело подмигнула. – Как видите, я и к ней съездила тоже безуспешно.

Скорее всего, из Л. Смит получится отличный репортер. Меня же удивило, сколько в этом деле появляется шустрых бодрых стариканов. Наверное, сказывается горный калифорнийский воздух. Мой слух немного резануло слово «замок». Я помнил, что уже имел несколько проблем

с калифорнийскими замковладельцами⁷. Однако я не был уверен, что Луэлла когда-либо в своей жизни видела настоящий замок, поэтому могла употребить это слово иносказательно.

– У миссис Торн жизнь тоже сложилась трагически. Но она не пала духом. Эх, жаль вы не можете прочитать мою статью, – продолжала тараторить Луэлла.

Глаза у нее стали шелковистыми. Я подумал, что если заказать девушке второй «Том Коллинз», она вскоре выложит мне имена тех актрис, с которыми болтала про Торна. Все-таки мисс Смит еще оставалась милой провинциальной девочкой.

– Вы женаты, мистер Стин? – вдруг спросила она.

– Нет. Но у меня есть невеста.

– Жаль. Я подумала, что скоро мой рабочий день заканчивается, мы могли бы сходить куда-то... потанцевать. Или поужинать. Все-таки работающей девушке вроде меня пока еще трудно в Лос-Анджелесе. Или не воспринимают всерьез или слушают, потому что стремятся затащить в постель. Я так давно не проводила время с кем-то... нормальным.

Я подумал, что Габи не будет возражать, если в рамках расследования я скрашу одиночество мисс Смит. Поэтому согласился угостить ее ужином в небольшом приятном джазовом клубе, а потом, если у нее будут силы, сводить куда-нибудь на танцы. На всякий случай я решил проверить, нет ли вестей от Лекси. Мисс Пиблз взяла трубку после первого звонка.

– Я специально не уходила домой, ждала, когда вы позвоните, мистер Стин, – гордо возвестила она.

Я подозревал, что задерживаться на работе, чтобы дольше не встречаться со сварливой сестрой, для Мэриголд было только в радость.

– Мисс Лекси звонила. Она просила передать, что ждет вас сегодня к девяти или позже в особняке Карпентеров. Это в Малибу, я объясню, как проехать. Вы в списке гостей. Мисс Лекси сказала, что это очень важно.

Я вернулся к Луэлле от барной стойки, прихватив по дороге еще коктейль и пиво. Объяснил, что вечерняя программа отменяется, потому что в девять меня ждет срочный вызов к клиенту. Девушка сникла, но потом с удовольствием накинулась на второй стакан смеси.

– Наверняка вы звонили вашей невесте, а она вам запретила, – снова сделала она потрясающе верный вывод и откинулась на диване, довольная своей логикой. – Вы как раз такой честный тип мужчины.

Мне что-то хотелось сказать Луэлле. Например, чтобы она перестала быть такой доверчивой и при этом мнить себя такой искушенной. Иначе скоро найдется человек, который заставит ее горько расплатиться. Но мне было вполне достаточно роли старшего брата, которую я играл для Лекси. В конце концов, не мое дело заботиться обо всех молодых идиотках Лос-Анджелеса.

– Почему вы вообще заинтересовались общиной Торна, так что даже решили написать о ней статью? – спросил я.

– А что такого? – спросила Луэлла, набрасываясь на орешки. – Мириам, ой, то есть, актриса, с которой я познакомилась на вечеринке, рассказала, что там все замечательно. И очень необычно. Они одеваются в эти простые балахоны, но нет никаких жестких правил, никто не заставляет работать от зари или пить одну воду. Конечно, нет алкоголя или сигарет, естественно, никаких наркотиков. И пищу они едят только ту, что производят сами в общине. Там есть люди, которые с удовольствием занимаются огородом, но других никто не заставляет. Зато они очень много медитируют и проводят особые очистительные ритуалы. И едят все вместе. Но самое главное – это служба в Храме. По словам Мириам, ой, точнее ее подруги, на следующее утро чувствуешь себя совершенно другим человеком. Будто заново родился.

Хотел бы я поговорить с этой Мириам.

---

⁷ Речь идет о романе Кеннета Дуна «Сестры в вечности»

– Но ведь это же секта, вы понимаете? Людей лишают индивидуальности, наряжают в одинаковую одежду. Заставляют отказаться от привычных удовольствий и пичкают всякими псевдо-мистическими ритуалами. Это же чистой воды мошенничество.

– Почему? – искренне удивилась Луэлла. – Запрет на питье и курение есть во многих религиях. Это очищает разум. Да половина Калифорнии сейчас не вылезает из специальных клиник, куда их привели алкоголь и наркотики. А обычные церковь и общество не справляются! А что до мистических ритуалов, которые вы называете мошенничеством, так вы просто отстали от века. Все знают, что люди используют только небольшой процент возможностей своего сознания. Существует и телекинез, и психокинез, и возможность заглянуть в другие измерения. И этому есть все больше доказательств. Я уверена, что люди будущего будут намного совершеннее нас сегодняшних, если мы не будем закрывать глаза на наши собственные возможности. Габриэль Торн много путешествовал по всему миру, он общался с мудрецами и с... индийскими гуру, которые живут по сто пятьдесят лет, и с... африканскими ведунями. Есть много явлений, которые нельзя объяснить только нашей западной моралью и прогрессом. И почему бы мистеру Торну не поделиться этой мудростью с окружающими? С теми, кто блуждает во тьме?

В глазах Луэллы горел фанатичный огонь, подогреваемый парами джина. Я вдруг подумал, что старый Кэннел был прав, это поколение и правда намного глупее предыдущего. Я еще помнил, как до войны в Лос-Анджелесе то тут то там появлялись заезжие шаманы, проповедники и теософы, которым удавалось на время увлечь пару сотен последователей. Возможно, Габриэль Торн с его мудростью, почерпнутой у африканских гуру и индийских ведунов, не слишком от них отличался, но меня пугал энтузиазм, с которым сегодня миллионы людей по всей стране были готовы верить во всякую бредятину вроде психокинетических способностей и расширения сознания. К тому же, начитавшись стоиков, я окончательно перестал верить в возможность для людей стать совершеннее.

– Как же получилось, что подруга вашей... знакомой актрисы все это рассказала? – спросил я.

– Ну так она вернулась, – тупо ответила Луэлла. – Она прошла обряд в Храме, обновилась и снова вернулась к работе.

– Странно. Не похоже на секту. В тех, которых я знал, люди отрекаются от всего земного, отдают Учителю все свои деньги и прерывают контакты с внешним миром.

– А я говорила, что это не секта! – победно выкрикнула Луэлла. – Там никто не запрещает покинуть общину, если ты этого хочешь. Учитель делится мудростью. Если нет желания постигать все тайны Храма, можно уехать в любой момент.

– А к чему тогда такая таинственность? Почему вас не пустили на территорию. И вы не можете даже назвать имя своей подруги?

– Не знаю, – задумалась Луэлла. – Мириам сказала, что Учитель не хочет создавать себе излишнюю рекламу. Община ценит уединение, Учителю не нужно, чтобы его Храм осаждали знаменитости и пресса.

Я подумал, что как раз наоборот, все больше убеждаясь, что Габриэль Торн был вовсе не сумасшедшим, а опытным стратегом. Он тщательно отбирал тех, кого пускал внутрь своей секты, зато с готовностью выпускал довольных клиентов, готовых рассказывать всем «по большому секрету» о его чудодейственной силе. Эта неведомая Мириам уже почти завербовала Луэлла Смит. Насколько я понял, на данном этапе Торну не нужны были деньги, ему нужна была власть и влияние. Возможно, в качестве компенсации за все те годы, когда он жил в изгнании, вдали от любимой работы, переживая тяжелую трагедию. И теперь, тщательно отбирая последователей, создавая иллюзию свободной и дружелюбной общины, он мог заработать себе настоящую славу.

Может быть, Торн искренне верил, что постиг смысл жизни. Или жизни вне смерти, как выразился Кэннел. Во всяком случае, это пока не объясняло, почему он отказывается увидеться со своей дочерью и разделить с ней наследство покойной супруги. Я вынужден был признать, что ни на шаг не приблизился к цели, поставленной мне Габриэлой.

Луэлла после двух коктейлей, выпитых на пустой желудок, начинала потихоньку клевать носом. Я решил ее больше не мучить, поэтому отвез в ближайший дайнер, где мы перекусили жирными гамбургерами, которые запили молочным коктейлем. Я предложил отвезти девушку домой, но мисс Смит гордо сказала мне, что у редакции припаркована ее собственная машина, а она уже достаточно трезвая, чтобы доехать самой. Я не возражал. Несмотря на все свои закидоны, Луэлла мне очень понравилась, и я искренне надеялся, что у нее в жизни все сложится хорошо.

Глава 8

После свидания с Луэллой у меня оставалось еще масса времени. Я не спешил заезжать к Габи, поскольку хотел немного отдохнуть от человеческого общения. Поэтому вначале я бесцельно катался по бульварам, а потом пошел на вечерний сеанс в кино, где показывали какой-то вестерн с Кирком Дугласом. На экран я почти не смотрел, а в середине фильма даже ненадолго заснул.

К девяти вечера или чуть позже – как советовала мне Лекси – я направил свою машину в сторону Малибу, разыскивая особняк неких Карпентеров. Это оказалось довольно легкой задачей, учитывая, что уже на подъезде к воротам я услышал громкую музыку, голоса и рев моторов. Судя по всему, Лекси пригласила меня на типичную голливудскую вечеринку, и я ломал голову, пытаюсь найти причину.

Мое имя действительно оказалось в списке, хотя ни мой внешний вид, ни автомобиль не вызвали доверия у охранника. С трудом всунув свой «понтиак» среди хромированных чудовищ на подъездной аллее, я отправился на звук голосов и музыкальной какофонии, в результате чего обнаружил довольно разношерстное общество, собравшееся при свете прожекторов и факелов на пляже. На огромной открытой веранде был оборудован бар, рядом играли какие-то люди на гитарах и странных барабанах, а пройдя через дом, можно было выйти к патио с большим бассейном, вокруг которого веселились полураздетые гости. Тут я и обнаружил Лекси – сняв обувь и подвернув бриджи, она сидела на краю бассейна и болтала в воде ногами. В руке у нее был какой-то «хайбол»⁸

---

⁸ Коктейль в высоком стакане на основе крепкого алкоголя и газированной воды

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.